

Композиционная схема всех икон одинакова. Раз найденная композиция и в этом случае закрепились за сюжетом. В верхней части иконы, в ширину ее, в девяти разноцветных сферах изображены чины ангельские, с Отчеством-Деисусом в центральной сфере. Непосредственно под ними (на иконах большого размера) изображены на облаках группы святых. Вся остальная часть иконы, около 0.9 площади, занята собственно сценой и картиной видения. Здесь изображены: слева Хутынский монастырь с его постройками; интерьер его собора, где происходит завязка легенды: вставший из гробницы молящийся Варлаам и очевидец чуда пономарь Тарасий; он же, Тарасий, взбирающийся по лестнице на «верх церковный» и наблюдающий оттуда уготованные Новгороду казни: нависшие над городом и готовые поглотить его воды озера Ильменя, грозящую сжечь город огненную тучу, ангелов, поражающих стрелами жителей города, занятых их повседневными делами.

Эта часть иконы — удивительное создание древнерусского искусства: в фантастическом обрамлении «видения» дано в ней реалистическое изображение города с большим количеством бытовых сцен. Несмотря на условность композиции, составленной из отдельных частей, разделенных криволинейными границами, икона очень верно отражает реальную топографию Новгорода и его основных урочищ. Главнейшие постройки города переданы столь узнаваемо и точно, что рисунок их может служить и служит в качестве документа для истории многих новгородских архитектурных памятников. А сцены труда, уличной и домашней жизни, которыми насыщено изображение, дают такой же обильный и неоценимый материал для истории быта. Мало того, недавно в специальном труде по истории медицины было высказано интересное наблюдение: икона изобразила жизнь города в условиях охватившей его эпидемии, и клинические картины ее переданы с такой наблюдательностью и точностью, которые позволяют установить род и характер новгородской пандемии 1508 г.¹¹

Обращаясь к сравнительному сопоставлению литературной повести и иконы на сюжет «Видения Тарасия», нельзя снова, как и в предыдущем случае, не увидеть, что живописный памятник не был простой иллюстрацией литературного. Тождество сюжета не обусловило тождества его разработки там и здесь. Мистически-визионерная картина «гибели Новгорода» и в том и в другом случае интерпретирована не аллегорически,

нет сведений, кроме устного предания о том, что он поступил в 20-х годах от частного лица (как полагают научные сотрудники музея, от Е. И. Силина, первого заведующего собором-музеем);

2) А. С. Орлов в статье «Видение хутынского пономаря» мимоходом упоминает о том, что в ГИМ имелись два иконописные изображения «Видения»: одно — копия с иконы Хутынского монастыря, другое старое (стр. 5, прим. 2). «Старая» икона, относившаяся, по отзыву видевших ее сотрудников, возможно, также к концу XVI в., была в 1930 г. передана из ГИМ в Третьяковскую галерею, а из нее, в свою очередь, несколько позднее — в Центральный Антираигозный музей в Москве. Проследить судьбу памятника после ликвидации названного музея не удалось. Ни в Третьяковскую галерею, ни в ГИМ, ни в Ленинградский музей истории религии АН СССР, по их справкам, он не поступил;

3) В фондах Третьяковской галереи имеется икона «Видения» (разм. 93 × 73,5), XVIII в. (инв. № 14966), поступившая в 1935 г. из Музея истории архитектуры — б. Донского монастыря;

4) Одна из лучших среди сохранившихся икон «Видение Тарасия» (разм. 44 × 40) конца XVI в. находится в фондах Отдела древнерусского искусства Русского музея (ДрЖ-2048). Памятник приобретен музеем в 1938 г. от частного лица гр. Амфилохьева, в Ленинграде. К сожалению, более глубоко сведения о его происхождении в музейной документации не восходят.

¹¹ Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. Медгиз, М., 1960, стр. 228.